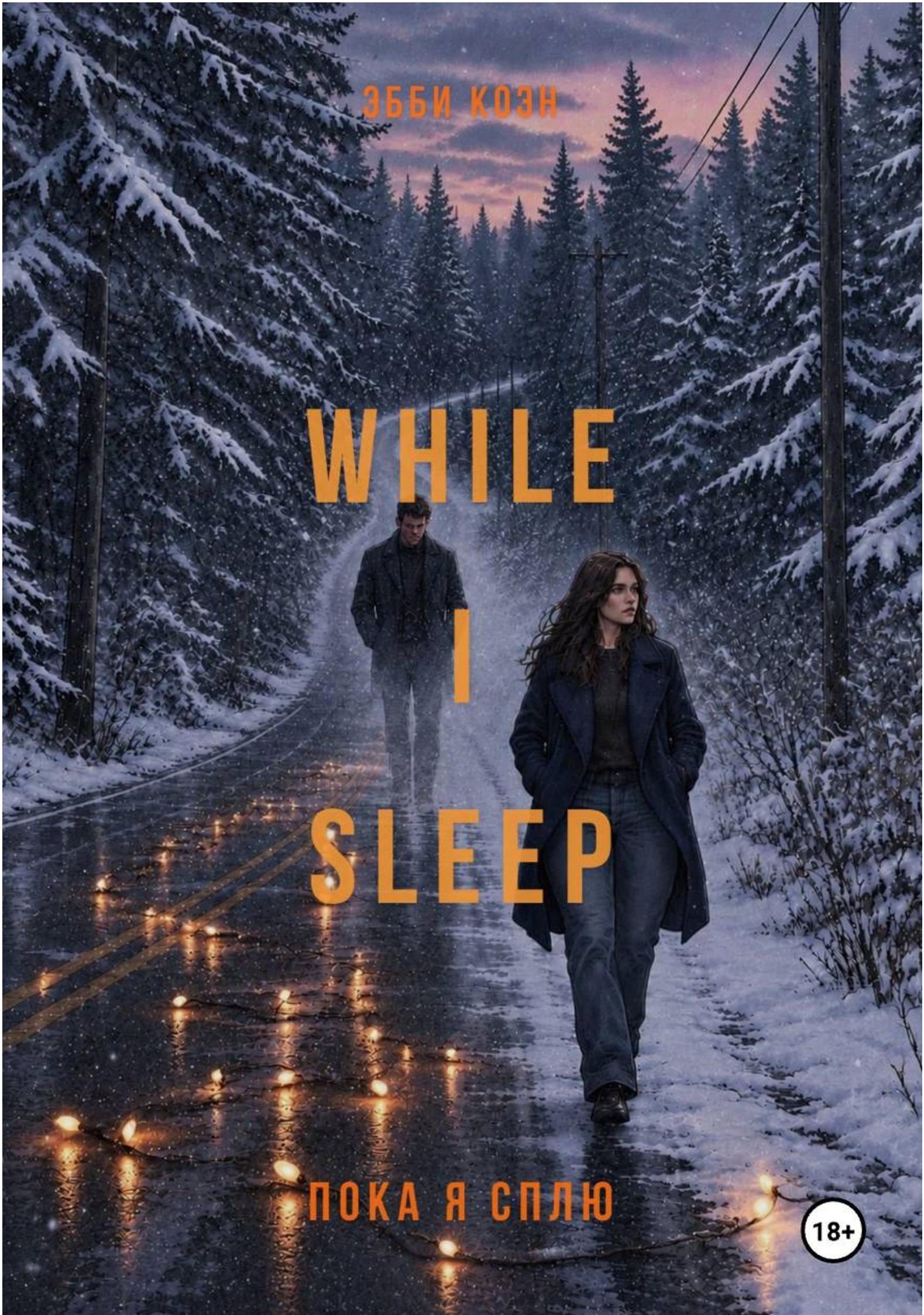

ЭББИ КОЭН
WHILE
I
SLEEP
ПОКА Я СПЛЮ
18+

Эбби Коэн

Пока я сплю

«Автор»
2026

Коэн Э.

Пока я сплю / Э. Коэн — «Автор», 2026

Маленькая история о втором шансе, любви вопреки и рождественском чуде, которое случается только с теми, кто готов открыть сердце.Рождество — время чудес, но Елена больше в них не верит. Их брак с Дэном исчерпал себя, и помятые бумаги о разводе на дне её сумки — лучшее тому подтверждение.Последняя совместная дорога сквозь зимнюю метель в родительский дом должна была стать лишь красивым спектаклем для семьи и поставить финальную точку. Однако чем ближе огни родного Вудстока, тем сильнее кажется, что сама реальность рассыпается в снежной пыли, запирая их двоих на тонком льду между «вчера» и «завтра».

© Коэн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящается 5
Плейлист 6
Глава первая 7
Глава вторая 13
Глава третья 17
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Пока я сплю

Посвящается

Посвящается всем когда-либо влюблённым.

Плейлист

liss nord — ревность на губах
passmurny — сердце
drunken night — black rose halo
frank sinatra — have yourself a merry little christmas
cigarettes after sex — apocalypse
lana del rey — cinnamon girl
hozier — like real people do
kultivar — пой мне, осень!
john mayer — slow dancing in a burning room
agnes obel — familiar
archive — again
ludovico einaudi — experience
nat king cole — the christmas song
sufjan stevens — that was the worst christmas ever

Глава первая

Очень важно говорить о своих чувствах тому, кого любишь, потому что никогда не знаешь, когда их можно потерять, или когда они потеряют тебя.
(с) Холм одного дерева (One Tree Hill)

— Люди не меняются.
— Меняются, просто им проще не меняться.
(с) Холм одного дерева (One Tree Hill)

24 декабря

Глубокий вдох.

Морозный декабрьский воздух обжег легкие, заставив Елену на секунду зажмуриться. Открыв серо-голубые глаза, она осторожно спустилась по скользким, обледеневшим ступенькам старого кирпичного дома в Ист-Виллидж, крепко сжимая ремень небольшой дорожной сумки.

Она на мгновение обернулась, глядя на знакомый фасад с облупившейся краской. Дом, в который, уходя замуж за Дэниэла Алверса, она думала, что больше никогда не вернется в качестве бездомного жильца. Но, как говорится, никогда не говори «никогда» — особенно когда твой идеальный брак трещит по швам громче, чем лед на Аляске.

Окно на втором этаже с грохотом распахнулось. В проеме показался Трой — вечно лохматый парень Нэнси Лейк. С Нэнси Елена познакомилась еще на литературном факультете, когда много лет назад жизнерадостная, наивная девчонка из тихого Вудстока ворвалась в самое сердце Нью-Йорка, твердо намереваясь покорить шумный мегаполис и остаться в нем навсегда. Покорить Нью-Йорк до конца не вышло, но они с Нэнси умудрились открыть лучшую крошечную кофейню в Сохо, что уже тянуло на маленькую победу.

— Ленни, подожди секунду! — крикнул Трой, перегибаясь через подоконник в одной футболке. — Нэнс уже бежит!

Елена тяжело вздохнула и нахмурилась. Она поправила сползающую с плеча сумку, переступила с ноги на ногу, пытаясь согреть замерзшие в сапогах пальцы, и с досадой пнула носком небольшой обледеневший кусок сугроба.

— Она что, решила поехать со мной и изображать группу поддержки? — громко бросила Елена вверх, привычно пряча растерянность за легким сарказмом. — Скажи ей, что в доме моих родителей хватит места только для эго Алверса и моих чемоданов!

Трой наверху лишь сочувственно пожал плечами и захлопнул окно, спасаясь от сквозняка.

Елена была безумно благодарна ребятам за то, что две недели назад они без лишних вопросов пустили ее пожить в свою тесную гостиную. Если говорить начистоту, сама Елена не имела ни малейшего понятия, во что стремительно превращалась ее жизнь. Тридцать четыре года, без собственной крыши над головой, с помятым бланком о разводе на дне сумки и — самое дерьмовое — без Дэна. Вернее, с Дэном, но уже в статусе почти чужого человека.

Тяжелая входная дверь распахнулась с таким стуком, будто ее выбили. Нэнси, нелепо укутанная в фланелевую пижаму в клетку и накинутый поверх толстый дутый пуховик, запыхавшись, неслась по ступенькам прямо к ней. Едва не сбив подругу с ног, брюнетка на ходу выхватила у Елены дорожную сумку, швырнула ее прямо в ближайший сугроб и сгребла Елену в медвежьи объятия. Ее длинные темные волосы мгновенно рассыпались по плечам Елены, пахнущие корицей, ванилью и дешевым шампунем, который Нэнси обожала со времен учебы.

— Я не хочу отпускать тебя в гребаный Вудсток, подруга, — глухо пробубнила Нэнси, уткнувшись ей в шею. — Это ошибка.

— Знаю. Я тоже не хочу, — тихо ответила Елена, прикрывая глаза и вдыхая родной запах.

И это была чистейшая правда. Впервые за всю жизнь она и вправду не хотела ехать домой на Рождество. Там, в большом деревянном доме, ее ждали как всегда — как шумную, жизнерадостную, неунывающую дочь и сестру, у которой в жизни все складывалось как в рождественской открытке. А она сейчас могла лишь криво хмыкать и дежурно выдавать натянутое: *«У нас все просто замечательно, мам».*

— Так и не едь! — Нэнси отстранилась, уперев руки в бока, и сверкнула своими карими глазами. — Ничего страшного не случится, если ты отметишь это Рождество с нами. Трой вообще не против. Мы сварим глинтвейн, закажем пиццу и устроим марафон «Крепкого орешка» — идеальный праздник для тех, чья личная жизнь пошла под откос!

Елена не сдержалась и фыркнула, тепло поцеловав подругу в холодную щеку. Она прекрасно знала, что Трой, при всей его доброте, втайне мечтал остаться с Нэнси наедине. Это было их первое совместное Рождество как пары, и третья лишняя с разбитым сердцем в их романтические планы точно не входила. Они и так великодушно терпели ее присутствие прошлые две недели.

— Я обещала родителям, Нэнс. К тому же, это священная традиция нашей семьи Коулсон, — Елена изобразила на лице пафосную серьезность. — Нарушить ее — все равно что признаться папе, что я перестала любить его рождественскую индейку. Меня лишат наследства в виде старого семейного фотоальбома.

И в этом тоже не было ни капли лжи. Ее старший брат Чед никогда не пропускал семейное Рождество, какие бы фокусы ни подкидывала ему судьба. Даже четыре года назад, когда Милли рожала Питера прямо в сочельник, Чед носился по гостиной, как раненый зверь, нервно курил на крыльце и не выпускал телефон из рук, но все равно оставался в Вудстоке — в окружении Елены, родителей и двухлетней малышки Сары. Пропустить праздник означало бы признать поражение, а Елена не собиралась сдаваться без боя.

— Но, Елена, этот самовлюбленный идиот будет там! — не унималась Нэнси, скрестив руки на груди и скептически приподняв бровь. — Вы что, всерьез собираетесь изображать счастливых молодоженов? Да ты его вилкой за праздничным столом прикончишь еще до того, как подадут клюквенный соус!

Елена закатила глаза. Всю последнюю неделю они с Нэнси принципиально не произносили имя Дэна вслух, словно оно превратилось в какое-то запретное проклятие уровня Воланде-Морта. Стоило назвать его по имени — и комната тут же наполнялась тяжелым и болезненным ощущением пустоты.

— Этот идиот, к твоему сведению, все еще мой законный муж, — ровно ответила Елена, стараясь, чтобы голос звучал легко. — И он не настолько ужасен, чтобы я из-за него лишала себя маминого яблочного пирога. К тому же, если кто-то кого-то и прикончит, то я сделаю это максимально изящно — у меня все-таки образование литфака, я знаю толк в красивых трагедиях.

— Это дурная идея, Елена, — Нэнси вдруг стала совсем серьезной, а в глазах мелькнула искренняя тревога. — У меня какое-то хреновое предчувствие.

Холод начал пробирать Елену до самых костей. Ее красивое темно-синее, но совершенно не приспособленное для серьезных морозов пальто почти не грело, а любимую шапку она в спешке забыла в их с Дэном квартире в Верхнем Ист-Сайде. Изобразив, что окончательно продрогла и сейчас превратится в ледышку, Елена нагнулась, вытащила сумку из сугроба и крепко в порыве обняла подругу.

— Все будет хорошо, Нэнси. Правда. Главное — не дай нашей кофейне разориться раньше, чем я вернусь с маминым пирогом. И с подписанными бумагами о разводе.

— Ладно, упрямая ты женщина. Звони мне, как только доберешься. И звони, если этот тип снова начнет включать диктатора, — сдалась Нэнси, отступая назад к двери.

— Обязательно. Я люблю тебя! — крикнула Елена уже на ходу, разворачиваясь и быстрым шагом направляясь в сторону авеню.

Ее ботинки глухо утопали в рыхлом, свежевыпавшем снегу. В этом году зима в Нью-Йорке превзошла саму себя: сугробы вдоль тротуаров выросли почти по колено, а коммунальные службы явно не справлялись с таким подарком природы.

Но вечерний город был до невозможности прекрасен. Праздничные огни завораживали, неоновые вывески и гигантские билборды сияли сквозь летящую снежную пыль, превращая улицы в декорации к старому рождественскому фильму. Ист-Виллидж в такие вечера обладал особым, ни с чем не сравнимым очарованием — здесь любители ночных прогулок могли просто замедлить шаг, запрокинуть голову и полной грудью вдыхать ни с чем не сравнимый коктейль из морозного воздуха, жареных каштанов и предчувствия чуда.

Елена на ходу достала телефон, прищурившись от вспышки экрана, и проверила время. У нее в запасе оставалось еще минут пятнадцать. Достаточно, чтобы пройтись не спеша, перевести дух и еще раз прокрутить в голове весь их с Дэном безумный, почти театральный план, который им предстояло разыграть перед родителями в ближайшие пару дней. *«Улыбаться, кивать, не дергаться, когда он кладет руку на талию, и не закатывать глаза на его саркастические замечания»,* — мысленно повторяла она как мантру.

На углу улицы она замедлила шаг и остановилась возле старого уличного музыканта. Ларри, седой темнокожий мужчина в потертом пальто и вязаной шапке, самозабвенно играл на старой медной трубе. Мелодия *«The Christmas Song»* плыла над заснеженным тротуаром, мягкая, чуть хрипловатая и невероятно душевная.

Елена завороженно смотрела на него. Ларри был совсем одинок, и за все те годы, что она прожила в этом районе до замужества, он изо дня в день выходил на этот самый перекресток в любую погоду, даря вечно спешащим ньюйоркцам каплю тепла и искренней улыбки, которых людям в бесконечной суете и гонке за успехом так чертовски не хватало.

Елена мягко улыбнулась ему, и на ее щеках появились самые очаровательные ямочки. Ларри поймал ее взгляд, кивнул в такт музыке и с едва заметной искренней улыбкой заиграл чуть тише, словно мелодия в данную секунду звучала для нее одной.

Мир вокруг словно на мгновение потерял привычные яркие краски, став мягким и приглушённым. Как же давно она вот так спокойно не стояла посреди вечернего Нью-Йорка — одна, без оглядки на чужое расписание, дыша полной грудью и никуда не торопясь...

За ее спиной послышалось уверенное шуршание шагов по свежему снегу. Кто-то в черной кожаной перчатке бесшумно обогнул ее со спины, сделал шаг вперед и, наклонившись, аккуратно опустил купюру в открытый футляр от трубы.

Ну, конечно. Тяжелый, терпкий шлейф дорогого древесного одеколона, смешанный с запахом мороза и свежей бумаги, Елена узнала бы из тысячи даже с закрытыми глазами. Она вздрогнула всем телом, как от внезапного разряда тока.

Рядом с ней, заслоняя собой свет уличного фонаря, поравнялась высокая, статная и широкоплечая фигура Дэна. На нем было его безупречное темно-серое кашемировое пальто, из-под которого виднелся высокий ворот черной водолазки. Он стоял расслабленно, засунув руки в карманы, и смотрел на музыканта своим фирменным непроницаемым взглядом.

Елена невольно отступила на полшага назад, крепче перехватывая ручку сумки, и вскинула на него настороженный взгляд.

Тёмные волосы были слегка припорошены снегом, а на когда-то идеально выбритом лице застыло выражение глубокой, почти граничащей с цинизмом серьёзности. Его голубые глаза смотрели прямо, но Елена кожей чувствовала, что всё его внимание сфокусировано исключительно на ней.

— Алверс? — выдохнула она, сделав ещё один шаг назад, чтобы разорвать осязаемую близость. — Какого чёрта?

Дэн медленно повернул к ней голову. Его губы дрогнули, и на правую сторону лица скользнула слегка асимметричная ухмылка, которая когда-то заставляла Елену забывать, как дышать. Ухмылка, которая работала безотказно и за секунду уничтожала любого, в том числе и ее.

— Да, никогда не подумал бы, что любимая женщина так ласково может поприветствовать меня, — лениво протянул Дэн, скользнув оценивающим взглядом по её тонкому пальто и растрепанным волосам. — А я-то думал, ты скучала.

Елена внутри закипала. Но старик Ларри, который продолжал тихо выводить свою джазовую партию в двух шагах от них, совершенно не должен был видеть её в таком жалком состоянии. Ист-Виллидж жил по своим законам, и устраивать здесь публичные разборки с участием блестящего нью-йоркского адвоката ей хотелось меньше всего. Елена заставила себя широко, почти солнечно улыбнуться старику, махнула ему рукой в знак прощания и, резко развернувшись на каблуках, направилась прочь вдоль заснеженного тротуара.

Но далеко уйти ей не дали. Спустя пару секунд её запястье сжали сильные, горячие даже сквозь тонкую кожу перчатки пальцы. Дэн остановил её с такой лёгкостью, будто она весила не больше котёнка.

— Перестань ломать комедию, Елена, — его голос упал до низкого рыка. — Я приехал за тобой.

Елена резко дёрнулась, вырывая руку из его хватки, и развернулась к нему всем телом. Она смотрела на него снизу вверх, практически не дыша от нахлынувшей ярости. Сердце колотилось в ребра, влажные от тающего снега пряди липли к замёрзшим щекам. Наверное, со стороны она выглядела жалко: покрасневший от мороза нос, старая дорожная сумка в руках, сбившееся дыхание. Но Дэн почему-то смотрел на неё точно так же, как и три года назад в её маленькой кофейне в Сохо — пристально, изучая каждую черточку, — только теперь в голубой глубине глаз плескалась какая-то новая горечь.

— Ты как обычно контролируешь каждый мой шаг! — выпалила Елена, стараясь говорить тихо, но каждое слово жгло от напряжения. — Мы же всё обсудили по телефону! Мы договорились встретиться уже в Вудстоке. Я большая девочка, Дэн. Я могу добраться до родительского дома сама, понимаешь меня? С-а-м-а. Буквами тебе пропеть? Мне не нужен конвой и сопровождающий к дому моих родных!

Дэн громко фыркнул, отводя взгляд в сторону дороги, и глубоко убрал руки в карманы пальто. Его скулы напряглись, выдавая, с каким трудом он сдерживается.

— Мы всё ещё муж и жена, пускай лично для тебя этот статус теперь существует только на бумаге с гербом, — Он снова поймал ее взгляд. — Будет чертовски неловко встретить Фрэн на пороге и сказать ей, что я случайно забыл её дочь где-то на задворках Нью-Йорка.

Он сделал шаг ближе, снова вторгаясь в её личное пространство, и Елена почувствовала, как от него веет теплом и силой.

— Ты всё ещё моя жена, Елена, и твоя безопасность для меня — всё, — уже тише, без всякой иронии добавил Дэн. — Ночной Нью-Йорк в преддверии праздников — это не только Санта-Клаус на неоновых плакатах и уличный джаз. Полно психов, гололёд и пьяные водители. Поэтому давай сюда сумку и решай сама: идёшь на своих двоих или я тащу тебя к машине силой.

Типичный Дэн Алверс и его неистребимые замашки собственника. Сколько раз они спотыкались об эту его черту? Он вечно искал скрытую опасность там, где её не было, пичкал её своими страхами, проецируя свою грязную работу в зале суда на их обычную жизнь. Он не понимал её тягу к свободе и спонтанности, а она перестала понимать его тотальный контроль.

И если в самом начале их романа его хватка выглядела как самая романтичная забота и любовь, то за последние годы она превратилась в душную, красивую тюрьму с прочными решетками.

— Я морально готова к тому, что меня прирежут прямо на автобусной остановке, можешь не переживать! — ядовито бросила Елена, приподнимая подбородок. — А ты можешь и дальше обивать свои стены войлоком, ставить пуленепробиваемые стекла и жить с тревожной кнопкой на пульсе! Так ведь гораздо веселее, правда?

Дэн тихо выругался себе под нос и с силой потёр лоб рукой. Елена видела, как он на пределе сил пытается совладать со своими эмоциями, которые обычно держал под таким железным контролем, что позавидовал бы любой робот. С ней почему-то его самоконтроль всегда летел к чертям.

— Я уже просто не понимаю… Ты шутишь о таких вещах, просто чтобы посильнее меня разозлить, или у тебя окончательно поехала крыша на почве ненависти ко мне? — глухо произнес он, глядя на неё с неподдельной усталостью.

Елена коротко фыркнула, хотя внутри всё болезненно сжалось.

— Мы давно разобрались, что я сумасшедшая. Так зачем было жениться? — выдала она, но прозвучало это настолько неубедительно, что ей самой стало стыдно: её зубы уже вовсю отбивали чечётку от пронизывающего ветра.

Это стало последней каплей. Дэн резко выругался в сторону, одним быстрым движением вырвал дорожную сумку из её окоченевших пальцев и, крепко перехватив её за локоть, потащил в сторону соседнего переулка.

Елена возмущённо ахнула, едва поспевая за его широким шагом на своих скользких каблуках. Она семенила рядом, пытаясь удержать равновесие на обледенелом тротуаре, и от неожиданности даже не успела набрать воздуха в лёгкие, чтобы закричать на всю улицу.

— Даже не думай, Елена, — бросил он через плечо так спокойно, словно читал её мысли как открытую книгу.

К слову, он это умел. За годы брака они изучили друг друга наизусть — каждую интонацию, каждый поворот головы, каждую скрытую эмоцию. И от этого сейчас становилось только больнее.

Елена прокляла всё на свете: дурацкую метель, свою забытую в квартире шапку, слишком длинные ноги мужа и саму традицию рождественских сборов. Она мечтала только об одном — побыстрее покончить со спектаклем в Вудстоке, выдержать дни притворства и наконец-то поставить жирную точку в главе своей жизни под названием *«Замужем за Дэниэлом Максимилианом Алверсом»*.

Его дорогой чёрный внедорожник БМВ стоял у края тихой аллеи, мерцая аварийными огнями сквозь пелену падающего снега. Дэн остановился у пассажирской двери, рывком открыл её и замер, явно борясь с острым желанием просто затолкать упрямую жену внутрь силой. Елена, чувствуя его внутреннюю борьбу, специально, демонстративно медленно забралась в теплый кожаный салон. Боже, как же она на самом деле замёрзла! Пальцы ног уже почти не чувствовались. Но желание побесить Дэна было куда сильнее здравого смысла.

Он с тяжёлым стуком захлопнул за ней дверь, обошел машину, небрежно закинул её сумку на заднее сиденье и сам забрался за руль. Салон мгновенно наполнился мужским парфюмом. Дэн повернул ключ, мощный двигатель мягко заурчал, а из дефлекторов сразу же полился долгожданный тёплый воздух печки, которую он, судя по всему, включил на максимум ещё заранее.

Елена не сдержалась и задрожала, плотнее запахивая полы промокшего пальто. Её трясло от резкого перепада температур, а волосы, подтаяв в тепле, превратились в сырые волны, падающие на плечи. И сейчас, сидя в мягком кожаном кресле, она почему-то впервые за вечер не стала мысленно ругать Дэна. Наоборот, где-то глубоко внутри она тихо сказала Вселенной «спасибо» за то, что он всё-таки нашёл её и спас от верного переохлаждения.

Дэн не сказал ни слова. Его пальцы привычно легли на оплетку руля, и внедорожник плавно, но уверенно вырулил на заснеженную дорогу, оставляя позади огни Ист-Виллидж и направляясь в сторону выезда из города.

В салоне повисла тишина, нарушаемая только мерным шелестом дворников, сгребающих мокрый снег с лобового стекла, да тихим гулом мотора. Елена медленно терла окоченевшие ладони друг о друга, грея их у потока горячего воздуха, и украдкой смотрела на строгий профиль Дэна, подсвеченный мягким неоном приборной панели.

И в голове крутился только один вопрос, на который у неё не было ответа: когда именно всё пошло не так? В какой момент их отношения начали неумолимо лететь в пропасть? Когда те сумасшедшие американские горки страсти, смеха и любви, которые она испытывала рядом с ним, вдруг сломались, оставив их сидеть лишь в чужой и мертвой тишине?

Глава вторая

Три года назад...

Утро в Сохо пахло влажным зимним асфальтом, дорогим парфюмом спешащих на работу брокеров и... вкусным шоколадом.

Елена аккуратно, точно сапер, работающий с взрывчаткой, расставляла на стеклянной витрине еще теплые шоколадные маффины. Они с Нэнси вытащили противень из духовки всего полчаса назад, и глазурь на верхушках все еще соблазнительно блестела. Пахли они просто нереально. Каждому маффину без исключения хотелось откусить макушку, просто чтобы проверить, не подвел ли рецепт. Но Елена спинным мозгом ощущала пронзительный взгляд Нэнси из-за кофемашины и буквально видела, как подруга безжалостно бьет ее деревянной лопаткой по рукам за покушение на товарный вид.

— Все еще не понимаю, как две выпускницы литфака выбрали кофе и булочки вместо блестящей карьеры в каком-нибудь крутом издательстве на Мэдисон-авеню, — жизнерадостно проворчала Елена, вытирая руки о передник. Она скорее не спрашивала, а вслух подбадривала саму себя, разгоняя утреннюю дрожь волнения.

— Могу с уверенностью заявить, что, как бы сильно мы ни любили классическую литературу и поэзию... — начала Нэнси, не отрываясь от настройки помола зерен.

— …Кофе и хлебобулочные изделия мы любим гораздо больше! — хором, в один голос закончили девчонки и тут же расхохотались.

— Да, особенно это заметно по моим бедрам, — она с театральным вздохом опустила глаза вниз, разглядывая свои широкие бедра, обтянутые плотной джинсой. Иногда ей ужасно хотелось, чтобы они были хоть на пару размеров поменьше. Найти нормальные, не жмущие в талии джинсы на такой выдающийся зад в Нью-Йорке было задачей со звездочкой.

— Эй, не смей наговаривать! Это стратегическое достояние и главная гордость «Снежного сахара»! — с ухмылкой парировала Нэнси, поправляя выбившуюся черную прядь.

— Если я буду дегустировать каждую партию твоего брауни, это достояние скоро перестанет проходить в наш узкий дверной проем, и тебе придется вызывать спасателей, чтобы вытащить меня из-за кассы! — не осталась в долгу Елена.

Нэнси фыркнула и засмеялась. Елена всей душой обожала их крошечное пространство. Назвали они свое детище «Снежным сахаром» чисто спонтанно: Елена с детства, с фанатизмом любила зиму и снег, а Нэнси готова была есть сахар ложками прямо из пачки. И такой дурацкий, но ужасно милый каламбур родился посреди ночи из их бесконечных споров о концепции меню.

Они открылись всего пару недель назад на тихом, уютном углу в самом сердце Сохо. Помещение было небольшим, всего на шесть столиков у панорамного окна, но невероятно душевным: кирпичная кладка, гирлянды с теплым желтым светом, стеллажи с подержанными книгами, которые можно было читать за чашкой латте. Совсем рядом возвышались гигантские стеклянные небоскребы крупных финансовых и юридических фирм, и место казалось золотой жилой. Особенно в те редкие моменты, когда внутрь случайно заглядывали серьезные дядечки в костюмах с толстыми кожаными портфелями и еще более толстыми кошельками. Пока народу было немного — случайные прохожие да пара студентов, — но Елена свято верила, что это лишь вопрос времени. Скоро о них узнает весь район.

— Я переворачиваю табличку? Время ровно восемь ноль-ноль! — торжественно крикнула Елена, замирая у входной двери.

Она еще раз окинула взглядом помещение, которое они сотворили этими четырьмя хрупкими руками. Они выбили это место у мерзкого, скользкого арендатора практически с боем — старик глумился над двумя девчонками без опыта как мог, задирая цену и не веря, что

они протянут хотя бы неделю. Но они выстояли. Сами красили стены, сами таскали мешки со штукатуркой, сами собирали мебель из Икеи. Елена с гордостью поправила аккуратный бейджик на груди и, перевернув табличку на «Открыто», направилась за кассу, готовая с улыбкой встречать новый день.

Первые посетители появились примерно через час, когда утренний мороз начал понемногу отступать. Колокольчик над дверью мелодично звякнул, и в кофейню зашла очаровательная пожилая парочка. Супруги явно замерзли, потирали руки в вязаных варежках и в растерянности замерли перед меловой доской с меню, сомневаясь в выборе.

Елена мгновенно расцвела, включив свое природное обаяние на полную мощность.

— Доброе утро! Добро пожаловать в «Снежный сахар»! Замерзли, наверное? — она обогнула стойку, тепло улыбаясь так, что на ее щеках тут же проступили ямочки. — Если вы ищете что-то, что согреет не только руки, но и душу, я настоятельно рекомендую наш фирменный ванильный раф.

Пожилой мужчина в твидовой кепке недоверчиво прищурился:

— Раф? Наверное, что-то слишком крепкое для моего давления, милочка?

— Ни капельки, сэр! — засмеялась Елена, энергично жестикулируя. — Мы взбиваем нежнейшие сливки вместе с эспрессо и натуральной стручковой ванилью. Никакого искусственного сиропа! По вкусу напоминает растаявший пломбир из детства, только с легкой кофейной горчинкой. А к нему я бы посоветовала наш теплый яблочный штрудель. Обещаю, вы забудете, что на улице январь!

Старушка умиленно всплеснула руками и посмотрела на мужа:

— Ох, Гарри, как она рассказывает! Я уже чувствую вкус пломбира. Берем два, дорогая!

Поблагодарив Елену за чуткость и оставив щедрые чаевые, старички довольные упорхнули на улицу, унося с собой бумажные стаканчики.

— Я обожаю свою работу! Дарить людям чистую радость и углеводную зависимость — это именно то, на что я запрограммирована с рождения! — с гордостью выдала Елена, вытирая стойку.

Нэнси, как раз вытаскивая из печи новый противень румяных рогаликов с корицей, скептически хмыкнула:

— Ага, особенно когда ты раздаешь комплименты к заказу за счет нашей будущей прибыли. Мы такими темпами к весне будем платить за аренду исключительно твоей улыбкой.

Елена засмеялась и легонько толкнула подругу плечом. Ее беззаботный смех заполнил всю кофейню, но его внезапно прервал очередной звон колокольчика над дверью.

Елена тогда еще не знала, что тот короткий перезвон она будет сначала боготворить, а потом — тихо проклинать все последующие годы своей жизни.

В помещение зашел мужчина. Ему было слегка за тридцать, чуть старше ее самой, но от него веяло нехило взрослой энергетикой, будто он уже успел завоевать половину города. На нем было безупречно сидящее черное пальто, накинутое нараспашку поверх белоснежной дорогой рубашки, и идеально выглаженные темные брюки. Он выглядел дорого. Настолько неприлично дорого, что казалось, одним своим расчётливым взглядом мог купить их заведение вместе с кофемашиной, витриной и ими обеими в придачу.

Нэнси за прилавком застыла с противнем в руках, открыв рот, а Елена почувствовала, как по спине пробежал странная дрожь. Она слегка откашлялась, пытаясь сбить внезапную неловкость, повисшую в воздухе.

Коротким кашлем она обратила внимание незнакомца на себя. Мужчина повернул голову, его взгляд скользнул по скромному интерьеру, затем остановился на ней, и его темные брови едва заметно нахмурились. В глазах цвета арктического льда промелькнуло легкое разочарование.

Елена, сама не зная почему, нахмурилась в ответ.

— Извините, похоже, я не туда зашел, — ровным, глубоким голосом произнес мужчина и уже начал разворачиваться обратно к стеклянной двери.

Елене его фраза и тон показались личным, чудовищным оскорблением. Словно их маленькая, выстраданная кофейня, в которую они вложили душу, была недостойна его драгоценных модных туфель.

— Да, портал в ад находится через дорогу напротив, — убийственно выдала Елена.

Сказала — и тут же сама испугалась собственных слов. *Какого черта, Коулсон?!* Она же всегда была милой, приветливой и жизнерадостной девушкой! Что вообще сейчас произошло с ее языком?

Елена спиной чувствовала ошарашенный, прожигающий взгляд Нэнси, и ее щеки мгновенно вспыхнули пунцом. На ее дерзкий выпад мужчина замер. Он медленно, очень медленно повернулся обратно, и его глаза с интересом просканировали Елену с головы до пят — от растрепанного пучка волос до фартука, обтягивающего ее бедра.

— Простите? — переспросил мужчина, слегка приподняв одну бровь.

Отступать было поздно. Елена уперла руки в бока и вздернула подбородок, отказываясь пасовать перед высокомерным типом.

— Вы даже не дали шанса нашему кофе, а уже оценили всю «ущербность» заведения движением одной брови. Разве я не права?

На секунду в кофейне повисла долгая пауза. А затем произошло нечто невероятное. Уголки губ мужчины дрогнули, и на чертовски красивом лице скользнула легкая, невероятно притягательная ухмылка. Явно заинтригованный такой наглостью, он уверенной походкой двинулся прямо к стойке. Двигался он как хищник, который привык, что любое пространство принадлежало ему. Елена не сводила с него глаз, гордо выдерживая прямой зрительный контакт, ведь отвести взгляд сейчас означало бы признать поражение.

Подойдя вплотную, он опустил взгляд на ее грудь, прочитал надпись на пластиковом бейджике и снова едва заметно ухмыльнулся. Елену словно обдало кипятком. Когда он усмехался, на его правой щеке проступала очень четкая, хищная ямочка, которая начисто лишала способности здраво мыслить.

— Елена Коулсон, — тихо произнес он, пробуя ее имя на вкус. — Очень милое имя для не очень милой девушки, не находите?

Елена возмущенно охнула, но внутри все трепетало от странного, электрического напряжения.

— Вообще-то я очень милая! Вы просто пропустили этот момент, потому что слишком спешили на выход, — выпалила она, пытаясь перевести все в шутку. — А вот ваш оценивающий взгляд, которым вы удостоили наше скромное заведение, говорил как раз-таки о вопиющей грубости и надменности.

Сказав это, Елена готова была провалиться сквозь землю прямо в подвал к мешкам с мукой. *Боже, заткнись уже, Елена, он сейчас разнесет нас в пух и прах!*

Но вместо гнева мужчина вдруг улыбнулся. По-настоящему. Тепло и открыто. И Елена в ту секунду была готова поклясться на чем угодно, что эта улыбка — лучшее, что она видела в своей жизни.

— Не хотел оказаться невежей в глазах столь очаровательной девушки, — мягко сказал он, и в его голосе пропали стальные нотки. — И чтобы хоть как-то загладить свою вину... — он перевел взгляд на стеклянную витрину, лениво стукнул костяшками пальцев по деревянной столешнице и спросил: — Вы сами пекли что-то из этого?

— Это все наше, сделано руками мисс Лейк и моими, — с гордостью ответила Елена, невольно расправляя плечи.

— В таком случае, я бы очень хотел попробовать именно ваше творение, Елена, — он посмотрел ей прямо в глаза, и от такого глубокого взгляда у нее перехватило дыхание.

Елена смущенно улыбнулась. Она прекрасно понимала, что сейчас выглядит чертовски глупой, красной как рак девчонкой, но невероятный мужчина за стойкой явно с ней заигрывал. Или флиртовал. К черту терминологию, она вообще не умела ни того, ни другого, но ей безумно понравилось! Елена быстро схватила щипцы, достала самый красивый, золотистый, пышный круассан с миндальным кремом и бережно упаковала его в крафтовый пакет.

— За счет заведения, — сказала Елена, протягивая ему пакет и улыбаясь во весь рот, так что ямочки на щеках заиграли во всей красе. — Считайте это моральной компенсацией за мой острый язык.

Мужчина принял пакет, его пальцы случайно коснулись ее ладони — кожа у него была горячей и чуть шершавой. Он снова слегка ухмыльнулся.

— Вы и вправду умеете быть милой, когда захотите.

— Я же говорила! — выдохнула Елена. Она чувствовала, как внутри нее все дрожит, начисто забыв о том, что в двух шагах за спиной стоит Нэнси и смотрит на их сцену с отвисшей челюстью.

— В таком случае, мне тоже стоит быть немного скромнее и поблагодарить вас по достоинству, — произнес он.

Мужчина полез в карман брюк, вытащил тонкий кожаный зажим для денег, достал оттуда новенькую купюру номиналом в сто долларов — сумму, на которую можно было скупить всю утреннюю выпечку с витрины вместе с подносами — и небрежно положил её на стойку.

— Сдачи не нужно. На развитие «портала в ад», — подмигнул он.

Он забрал свой круассан, развернулся и направился к выходу. Но у самой двери он на секунду остановился, повернул голову вполоборота и, глядя на нее из-под темных ресниц, тихо, но отчетливо произнес:

— Еще увидимся, Елена.

И с той самой победной ухмылкой вышел на морозную улицу Сохо, оставив после себя лишь звон колокольчика и шлейф дорогого, головокружительного парфюма.

Глава третья

В салоне машины тихо гудел мотор. Елена резко моргнула, выныривая из яркого воспоминания обратно в суровую реальность вечерней заснеженной трассы.

Она помнила тот первый день так четко, будто это случилось пять минут назад. Могла бы воспроизвести его точно до секунды. Помнила и ту предательскую дрожь в коленях, и жар на щеках, и запах его духов, который еще два часа витал в их кофейне.

Тогда, три года назад, как только за Дэном закрылась дверь, Нэнси накинулась на нее с полотенцем, ругая на чем свет стоит за то, что она чуть не разрушила их хрупкий бизнес своей неуместной прямотой, а через минуту уже визжала от восторга и благодарила за сотку баксов чаевых и за такого потрясающего клиента. Тогда еще ни одна из них не знала, что мужчина в дорогой рубашке будет заходить за кофе каждый божий день. И что он перевернет всю жизнь Елены с ног на голову.

Елена украдкой покосилась на профиль Дэна, освещенный тусклым светом приборной панели. Его руки крепко сжимали кожаный руль, взгляд был прикован к заснеженной дороге. Ни следа той теплой, открытой улыбки из прошлого. Дэн вел машину молча. Печка продолжала работать на полную мощность, нагоняя в замкнутое пространство салона сухое тепло. Елене внезапно стало невыносимо жарко — свитер под пальто начал колоться, дышать стало нечем, а щёки вспыхнули ярким румянцем.

— Я согрелась, — негромко сказала она, и развернулась к Дэну.

Он, даже не повернув головы и ни на секунду не отводя пристального взгляда от обледенелой дороги, привычным, отточенным движением протянул руку к приборной панели и убавил климат-контроль. В салоне сразу стало тише — пропал навязчивый гул вентилятора.

Елена не сводила с него глаз. Она смотрела на его резкое, мужественное лицо, на легкую щетину, на упрямо сжатые челюсти. Она сама не могла до конца понять, зачем так пристально его разглядывала: то ли подсознательно пыталась запомнить его именно таким — невозмутимым, пугающе уверенным и чертовски красивым в свете встречных фар, то ли просто искала зацепку, чтобы начать хоть какой-то разговор. Но, если честно, идей для нормального разговора уже давно не осталось. Всё, что Елена хотела, могла и пыталась ему высказать, она с лихвой выплеснула за последний год. Жаль только, что каждый раз это выглядело как разговор с непробиваемой стеной.

Дэн боковым зрением почувствовал на себе ее взгляд. Он слегка напрягся и негромко откашлялся, поправляя воротник водолазки. Елена тут же, точно школьница пойманная с поличным, поспешно отвела глаза и уставилась в боковое окно.

— Я вообще-то не против, можешь смотреть, — вдруг бросил Дэн. В его голосе скользнула знакомая, чуть ленивая ирония. — В конце концов, сегодня я неплохо выгляжу, а ты уже как две недели лишаешь себя удовольствия созерцать сей шедевр по утрам.

Елена невольно усмехнулась уголком губ, но головы в его сторону так и не повернула. Его дурацкая, самоуверенная шутка снова сработала как спусковой крючок, утягивая её в прошлое — в те времена, когда от его ухмылок у неё подкашивались колени, а не сжимались кулаки.

Тогда, три года назад, после их первого столкновения у прилавка, Дэн стал приходить в «Снежный сахар» буквально каждый день. Он заходил один, с серьезным видом листая папки с документами в ожидании своего американо. Заходил с коллегами — такими же лощеными акулами юриспруденции из небоскреба напротив, которые смотрели на их маленькую кофейню с легким снисхождением. А однажды утром он пришел с подружкой.

О, эта подружка навсегда врезалась в память и Елене, и Нэнси. *«Расфуфыренная Барби»*— именно так её одним точным выстрелом окрестила Нэнси, едва девушка переступила порог. У блондинки было сделано всё, причем дорого и качественно: пухлые, идеально сим-

метричные губы, большая грудь, обтянутая тонкой блузкой с нехилым декольте и идеальный калифорнийский загар. Елена тогда еще полдня громко спорила с Нэнси в подсобке, пока они мыли питчеры: вложился ли сам Дэн в ее тюнинг или уже выцепил готовую куклу в каком-нибудь закрытом баре Манхэттена.

Наверное, если бы парочка просто молча купила свой кофе и ушла, Елена бы не придала этому особого значения. Ну, подумаешь — мужчина, который был неприлично хорош собой и богат, нашел себе красивую, статусную куклу под стать. Но стоило этой Эмбер — как её мимоходом назвал позже Дэн — открыть свой накрашенный рот и брезгливо заявить, глядя на витрину, что она сильно сомневается в качестве местного молока и санитарных нормах, как Елену было уже не остановить. Внутри неё мгновенно вскипела кровь.

— Дорогой мистер Алверс! — громко, с убийственной вежливостью произнесла тогда Елена, уперев руки в свои широкие бедра и пыхтя от праведного гнева, как закипающий чайник на плите. К тому времени она уже знала и его фамилию, и имя, и то, что невыносимый красавчик был одним из лучших, самых безжалостных адвокатов в крупной фирме через дорогу. — Будьте так любезны, напомните мне, пожалуйста, почему вы с таким завидным постоянством каждое утро приходите в наше скромное заведение, если оно вызывает у вашей спутницы столь глубокие экзистенциальные сомнения?

Дэн тогда даже бровью не повел. Он лишь невозмутимо поправил темно-синий галстук и сделал один уверенный шаг вперед, заслоняя своим телом от разъяренной Елены растерянно хлопающую ресницами крашеную блондинку.

— Елена, нам два латте на миндальном молоке, пожалуйста, — спокойно, с легкой, едва заметной полуулыбкой произнес он, глядя ей прямо в глаза.

— Но, Дэнни, милый, я не хочу здесь пить кофе, тут пахнет... дешевой корицей и вообще... — закапризничала кукла из-за его широкой спины.

Елена демонстративно вскинула бровь, перевела взгляд на блондинку и с самой сладкой, ангельской улыбкой, на которую только была способна, выдала:

— Понимаю, высокая кухня — это стресс. Может быть, для вашей спутницы лучше налить обычной водопроводной воды? У нас отличные трубы, а лед мы делаем сами — бесплатно и без лишних калорий.

Нэнси за кофемашиной в тот момент резко подавила смешок, прикрывая рот ладонью, чтобы не расхохотаться сильнее.

Дэн тогда лишь тяжело, предупреждающе откашлялся, но в его холодных глазах Елена увидела искры искреннего, хищного веселья. Её дерзость, похоже, ему чертовски нравилась.

— Эмбер, мы берем латте. Елена, будь добра, — повторил он твердо.

Он смотрел на неё долго, пристально, не отводя взгляда, и она под этим давлением задвигалась за стойкой как фигура в сложной шахматной партии — резко, отточено, строго по выверенной схеме. Нэнси тогда здорово помогла: сама молча подхватила стаканы и закрыла их пластиковыми крышечками, потому что Елена, кипевшая от непонятной злости, точно треснула бы по ним ладонью так, что горячий кофе залил бы всю стойку. Елена искренне не могла понять, что умный, расчетливый мужчина вообще нашел в пустой блондинке. Но чуть позже, остыв, она с горькой усмешкой призналась себе: а почему, собственно, она должна ему не нравиться? Ухоженная, симпатичная, молчаливая, и плевать, что вся сделанная. Выглядела ему под стать — и ладно. Когда кофе был готов, Елена со звонким стуком поставила стаканы на прилавок и самым милым голоском пожелала им «не обжечься».

От ярких, живых воспоминаний Елена вдруг не выдержала и тихо засмеялась прямо в тишине салона. И только через секунду, спохватившись, вспомнила, что сидит в закрытой машине с человеком, который являлся главным врагом её спокойствия и собственных мыслей.

Дэн слегка повернул голову в её сторону, удивленно приподняв бровь.

— И что тебя так внезапно развеселило? — спросил он, внимательно всматриваясь в её изменившееся лицо.

— Вспомнила твою бывшую силиконовую подружку, которая боялась подхватить инфекцию от нашего фермерского молока, — хмыкнула она, качнув головой.

Дэн на секунду замер, а затем его губы искривились в подобие улыбки. Он медленно перевел взгляд на дорогу.

— Во-первых, справедливости ради — она была не моя. Во-вторых, Эмбер — единственная дочь Артура Хендриксона. Того самого Хендриксона, чей хедж-фонд приносит нашей фирме треть годового дохода. Старик тогда прижал меня к стене на совете директоров и умолял выгулять свою наследницу, пока он подписывал бумаги. Ей было скучно. Я выполнял должностную обязанность. Спасал наш самый крупный контракт. Это был обычный бизнес-ланч под прикрытием.

Елена недоверчиво фыркнула, поудобнее устраиваясь в кожаном кресле и скрестив руки на груди.

— О, ну конечно! Спасение контракта с девушкой, у которой декольте заканчивалось где-то в районе пупка, а губы имели свой собственный почтовый индекс, — съязвила она, не сдерживая улыбки. — Какая самоотверженность. Тебе выписали орден за спасение Манхэттена от силиконовой угрозы? Интересно, она до сих пор пьет только воду из альпийских ледников?

Дэн тихо, хрипло рассмеялся.

— Я так понимаю, ты собираешься припоминать мне этот прискорбный эпизод моей биографии до самого конца жизни? — с легкой, почти теплой усмешкой спросил он. — И я вообще не помню, что она там пила.

Елена мгновенно посерьезнела. Улыбка сошла с её лица, оставив лишь усталость.

— Небольшая поправочка, Алверс, — тихо, но четко сказала она. — До конца *нашей*-совместной жизни. То есть примерно до вторника следующей недели, когда мы вернемся в город и всё подпишем.

В салоне снова повисла тяжелая пауза. Дэн еле слышно выдохнул.

— Боже, помоги мне... — прошептал он совсем тихо, почти себе под нос.

Елена слишком хорошо знала этот звук. Короткий, сдавленный выдох на грани слышимости. Так Дэн Алверс обычно собирался с мыслями и сдерживал себя в те моменты, когда изо всех сил боролся с желанием разнести всё вокруг, прикончить себя или придушить её прямо на месте от собственного бессилия. Он просто выдыхал, загоняя ярость глубоко в грудную клетку.

— Нам нужно поговорить, Елена. Я больше так не могу, — его голос прозвучал низко и сухо, без единой эмоции.

— Поговорить? — Елена издевательски вскинула брови, хотя внутри всё болезненно сжалось. — Надо же. Ты молчал последний год нашего брака, и тут тебя резко пробрало на поболтать?

— Прекрати.

— Ну, нет, — она секунду-другую помедлила. — Так о чем ты собрался говорить? Все бумаги у меня с собой. Нам осталось просто доехать до моих родителей, отсидеть за праздничным столом, не поубивав друг друга, и разъехаться. Больше не о чем говорить.

Дэн резко, с силой перехватил руль, и внедорожник слегка вильнул на обледенелой колее. Желваки на его скулах заходили ходуном.

— Ты действительно думаешь, что сможешь улыбаться Фрэн и делать вид, что у нас всё прекрасно, когда между нами… вот это? — он на секунду оторвал руку от руля и сделал неопределенный жест в воздухе.

— Я — смогу, — отрезала Елена, упрямо вздернув подбородок. — Я ради мамы и папы готова сыграть хоть в бродвейском мюзикле. А вот сможешь ли ты прикусить свой сарказм и

перестать вести себя как собственник, который проверяет мой телефон каждые пять минут — это большой вопрос.

— Я проверял твой телефон, потому что ты вела себя как скрытная идиотка, Елена! — Дэн впервые повысил голос, и в его голубых глазах вспыхнуло опасное пламя. — Я пытался защитить тебя, защитить наш брак, пока ты витала в облаках и думала, что мир крутится вокруг твоей маленькой кофейни!

— Защитить?! — Елена почти закричала, разворачиваясь к нему всем телом, насколько позволял ремень безопасности. — Ты задушил меня своей защитой! Ты построил вокруг меня тюрьму и искренне удивлялся, почему я не хочу в ней сидеть! Ты не слышал меня, Дэн! Ни разу за эти годы!

— Я слышал всё, что мне было нужно! — рявкнул он, и его челюсть так сильно напряглась, что ухмылка превратилась в жестокий оскал. — Я уничтожал любого, кто пытался тебе навредить! Я дал тебе всё!

— Но мне не нужно было все! Мне нужен был просто ты! Нормальный, живой, а не расчетливый робот в пальто!

Внедорожник на огромной скорости влетел в крутой, неосвещенный поворот лесной трассы. Метель за окном превратилась в сплошную белую стену.

— Жду не дождусь, когда всё это закончится. Ты просто невыносим, — прошептала Елена.

— Я еще не подписал документы о разводе. И я ни разу не сказал, что вообще собираюсь их подписывать, — выдал он каждое слово, будто зачитывал приговор.

Елена с глухим стуком откинулась на сиденье с таким видом, будто была готова прямо сейчас выбить ногами дно машины и затормозить о лед, лишь бы оказаться подальше от него.

— Мы это обсуждали миллион раз. Ты не настолько больной человек и не психопат, чтобы насильно держать возле себя заложницу, которая тебя не выносит, — её голос упал до свистящего шепота.

Дэн сжал руль с такой невероятной силой, что кожа перчаток жалобно заскрипела.

Машина мчалась сквозь сгущающуюся метель, фары выхватывали из темноты тонны летящего снега.

— Ты — всё, что у меня есть, — вдруг тихо, но с какой-то пугающей искренностью произнес он. — Я не готов отказаться от тебя. Да, ты ушла из дома, и я оценил твою самостоятельность. Я даже оценил то, что ты специально сменила привычный маршрут от кафе до квартиры в Ист-Виллидж, лишь бы случайно не встретиться со мной на улице. Но, Елена… я знаю все дороги в городе до твоей старой квартиры. Я знаю каждую подворотню Манхэттена. Я просто дал тебе немного времени, чтобы ты остыла. Я думал, это сработает. Но я чертовски плохо справляюсь без тебя. Я не вывожу, ясно?

Елена услышала, как его безупречный, стальной голос ощутимо дрогнул на последнем предложении. Он говорил абсолютно серьезно. Внутри неё все перевернулось от болезненного противоречия. Она не знала, что пугает её сильнее: то, что прямо сейчас он выглядел как человек с фанатичным, опасным синдромом контроля, или то, что расчетливый сухарь реально переживал. Переживал глубоко, страшно, по-своему — так, как умел любить и страдать только Дэниэл Алверс. Мужчина, который не умел просить прощения, но мог уничтожить любого за свою женщину.

— Прости, Дэн… Но это ничего не изменит, — Елена качнула головой, с трудом сглатывая слезы. — У тебя было два года, чтобы измениться и доказать мне, что я значу для тебя больше, чем твои дела и твое желание всё контролировать. Но ты не умеешь слушать. Или просто не хочешь. Любовь — это не тогда, когда ты запираешь человека в золотой клетке ради его же безопасности, а когда ты слышишь, что ему в этой клетке нечем дышать.

Дэн молчал несколько секунд, и это молчание было страшнее любой бури. Когда он снова заговорил, в его голосе прорезалась такая неприкрытая горечь, от которой у Елены защемило под ребрами.

— Возможно, я действительно не умею любить так, как пишут в твоих книгах, — глухо отозвался он, не отрывая взгляда от темной трассы. — Но я никогда не делал ничего, чтобы причинить тебе боль. Каждый мой шаг, каждое решение — всё это было только для того, чтобы защитить тебя от чертового мира, и если единственная моя вина в том, что я слишком сильно боялся тебя потерять… что ж, тогда я виновен по всем статьям.

Елена резко отвернулась к боковому стеклу, больше не в силах выносить разговор. Её правая рука дрожала, когда она торопливо, почти украдкой вытирала слезы, катившиеся по щекам. Она специально наклонила голову так, чтобы густая ширма из волос полностью прикрыла лицо — он ни за что не должен был увидеть, как сильно её ранят его слова.

Ей было невыносимо больно. Больно слышать от Дэна, что он любит её, пусть и своей пугающей, собственнической любовью. И самое страшное во всем этом было осознание того, что она, черт возьми, по-прежнему безумно любила его. Любила его сдержанность, его редкую ухмылку на правую сторону, его теплые ладони и даже это дурацкое кашемировое пальто. Но сказать это вслух, признаться сейчас, когда всё уже было сломано, она уже не сможет.

Печка продолжала гнать тепло, но оно больше не казалось удушливым — оно ощущалось почти траурным, как воздух в комнате, где двое прощаются навсегда. Салон внедорожника словно превратился в спичечную коробку, отрезанную от остального мира.

Елена сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу дверцы, и смотрела, как за окном бушует настоящий снежный ад. Деревья вдоль обочины — высокие сосны и голые клены — жалобно гнулись под натиском шквального ветра, готовые вырваться с корнем и сбежать от непогоды. Снег летел в лобовое стекло таким плотным, косым вихрем, что мощные фары с трудом пробивали метель, выхватывая из темноты лишь пару ярдов обледенелого асфальта. Машину ощутимо покачивало на заснеженных колеях, заднюю ось то и дело слегка вело в сторону, но Дэн вел её с пугающей легкостью, которая всегда отличала его от обычных людей. Каменный. Непробиваемый. Идеальный. Даже стихия не смела нарушить его спокойствие.

Только вот пальцы на руле сжимались так сильно, что дорогой коже перчаток приходилось несладко — она противно, надрывно скрипела на всю машину при каждом движении. И чертов скрип выдавал его с головой, разрушая весь образ безмятежного героя.

Елена медленно отстранилась от ледяного стекла, повернула голову и посмотрела на мужа. В тусклом полумраке, подсвеченном лишь зеленоватым сиянием приборной панели, его лицо казалось почти изможденным. Никакой надменности или ухмылки. Обычный мужчина, который до смерти устал притворяться, что способен контролировать всё на свете, включая чужое сердце. Внутри Елены что-то с треском сломалось. Вся злость, накопленная за месяцы обида вдруг схлынули, оставив после себя лишь какую-то жалость. Ей стало жалко их обоих. Столько потерянного времени. Столько несказанных, застрявших в горле слов, которые они по глупости заменили на крики, сарказм и взаимные обвинения. Они ведь никогда не были врагами. Они были просто двумя людьми, которые запутались в собственной гордости и детских страхах.

— Дэн… — тихо позвала она, едва шевеля губами. Собственный голос показался ей совершенно чужим — в нем не осталось ни капли прежней едкости, только уязвимость.

Он не ответил, даже не моргнул, но Елена заметила, как под скулами чуть заметно дрогнула челюсть. Он слушал.

Елена сделала глубокий вдох, чувствуя, как к глазам снова подступают предательские слезы. В этот раз она не стала прятать их за волосами или отворачиваться к окну. Слишком долго они играли в прятки.

— Почему ты никогда не говорил, что тебе тоже больно? — её голос сорвался на едва различимый шепот, в котором сквозила вся тоска последних месяцев. — Почему ты просто взял и закрылся от меня? Уходил в работу с головой, набирал кучу дел, запирался в кабинете до самого утра… Оставлял меня одну в пустой квартире. Я ведь всерьез думала, что тебе плевать. Что ты перерос меня, перерос наши глупые вечерние разговоры на кухне. Почему ты всегда либо молчал, либо уходил?

Машина на долю секунды словно зависла в пустоте, потеряв вес. Дэн медленно, с каким-то видимым усилием повернул к ней голову, на мгновение оторвав взгляд от дороги. Елена едва заметно вздрогнула: впервые за последнее время его голубые глаза не были похожи на куски льда. Они были темными, невероятно теплыми и полными такой невыносимой боли, от которой у неё самой всё сжалось в груди. Он будто полностью сбросил свою привычную броню циничного адвоката с Манхэттена. Перед ней сидел её Дэн. Тот самый парень, который когда-то оставил сто долларов на стойке кофейни просто ради того, чтобы увидеть её улыбку.

Он тяжело сглотнул, и его губы слегка скривились в непонятную гримасу. Когда он заговорил, его низкий голос прозвучал глухо, с непривычным надрывом:

— Потому что если бы я показал тебе, насколько я разбит, Елена… если бы я признался, что задыхаюсь от страха потерять тебя каждый чертов день… мир бы вокруг нас просто рухнул. Позволь я себе хоть раз дать слабину, открыть рот и показать, как сильно мне хреново… я бы больше не смог быть твоим щитом. Я бы просто сломался у тебя на руках. А я не имел права сломаться. Только не перед тобой.

Елена замерла, боясь даже вдохнуть, чтобы не спугнуть правду. Его слова ударили под дых сильнее любого приговора. Она смотрела ему в глаза и сквозь мутную пелену собственных слез наконец-то видела накопленную годами боль, его одиночество и изматывающую, калечащую обоих любовь. Его маниакальный контроль, его вечная паранойя и круглосуточная работа на износ — это никогда не было попыткой её сломать или запереть в золотую клетку. Это был его единственный способ любить. Он молча брал всю грязь, опасность и всю жестокость города на свои плечи, пряча их под дорогим пальто, лишь бы она продолжала беззаботно печь свои маффины, смеяться своим звонким смехом и верить в рождественские чудеса. Он просто не умел любить по-другому. Его так вырастили: мужчина обязан быть стеной. Но стена в итоге превратилась в собственную одиночную камеру, куда он не пускал даже её.

— Дэн… — тихо выдохнула она, протягивая через центральную консоль дрожащую ладонь. Ей захотелось коснуться его плеча, сжать его пальцы в кожаной перчатке, сказать, что ей не нужен идеальный робот без эмоций. Ей нужен просто он — пускай слабый, пускай уставший и разбитый, но живой и настоящий.

Дэн посмотрел прямо на неё, и в глубине его глаз вспыхнуло то самое отчаянное чувство, которое они так долго пытались похоронить под грудой обид и бракоразводных бумаг. Возможно, это был момент их примирения на самом краю пропасти. Взлет после долгого падения.

И именно в эту самую секунду, когда они смотрели друг на друга, метель за лобовым стеклом внезапно обрушилась сплошной белой стеной.

Тяжелый внедорожник на скорости вылетел на крутой, затянутый коварным черным льдом поворот шоссе. Из непроглядной снежной пелены, прямо посреди их полосы, с диким ревом гудка и пронзительным визгом тормозов внезапно возникли гигантские, выжигающие сетчатку слепящие огни встречного грузовика. Огромную фуру неуправляемо несло боком на гололеде, полностью перекрывая всю ширину дороги, не оставляя ни единого шанса проскочить.

Время словно споткнулось и остановилось, превратившись в замедленную съемку.

Елена всегда думала, что настоящий страх — это что-то обязательно очень громкое. Что смертельный ужас должен сопровождаться истошным криком, паническим хрипом и бешеным,

ломающим ребра сердцебиением. Но реальность оказалась на удивление тихой. В голове вдруг стало абсолютно пусто и светло.

Елена успела лишь заметить, как в свете встречных фар мгновенно расширились зрачки Дэна.

А потом мир взорвался.

Удар. Глухой, чудовищный хруст ломающегося металла и сминаемого капота, такой отчетливый, будто огромный невидимый хищник играючи перекусил пополам хребет хрупкой стеклянной игрушке. Резкая, ослепляющая боль в груди от мгновенно натянувшегося ремня безопасности, который впился в ключицу. Стеклянная пыль, сверкнувшая в свете фар как рождественское конфетти. И Дэн. Всегда собранный и хладнокровный Дэн Алверс, которого невозможно было выбить из колеи даже самым проигрышным судебным процессом, кричал. Он яростно кричал, выкручивая руль изо всех сил в её сторону. В последнюю долю секунды, он пытался развернуть машину, чтобы подставить под удар себя. Подставить левый бок, свое тело, лишь бы хоть на дюйм увести её из-под траектории летящего навстречу кошмара.

Рождество не должно было приносить таких звуков. Праздник, который Елена боготворила всем сердцем с самого детства, нес только сладкий запах корицы и домашней выпечки, звонкий, слегка раздражающий смех племянников, уютный перезвон колокольчиков и приторные фразочки «Счастливого Рождества!», доносящиеся из каждого утюга и витрины. Но точно не тошнотворный хруст железа. Не отчаянный мужской крик. И уж точно не мгновенно поглотившую их обоих черную пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.